

Алишер Таксанов

Очки прокурора

Алишер Таксанов

Очки прокурора

«Автор»

2026

Таксанов А. А.

Очки прокурора / А. А. Таксанов — «Автор», 2026

Восточные современные мифы и тезисы о политическом состоянии стран, действиях людей. Ирония, сарказм, притчи - вот что составляет основу сборника. Тщеславие, коррупция, брезгливость, надменность, трусость и предательство - вот основа восточной деспотии, и об этом можно прочесть в данной книге.

© Таксанов А. А., 2026

© Автор, 2026

Алишер Таксанов

Очки прокурора

ОЧКИ ПРОКУРОРА (МИФЫ И СКАЗАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА)

Льстец великого Султана

Во дворе одного могущественного султана жил Льстец. Это был человек удивительного дарования, посвятивший всю свою жизнь одному-единственному ремеслу — искусству восхвалять власть. Никто не знал, каким он был в юности, о чем мечтал и чем занимался прежде. Одни говорили, что он родился уже с поклоном вместо позвоночника, другие уверяли, что долгими годами тренировок сумел превратить обычную человеческую речь в сладчайший мед. Его язык был настолько длинным и гибким, что, казалось, не имел костей вовсе. Стоило Льстецу открыть рот, как воздух наполнялся такими нежными, ласковыми и проникновенными словами, что даже самый суровый человек невольно начинал улыбаться. Он умел назвать посредственность гениальностью, случайную удачу — проявлением высшей мудрости, а очевидную ошибку — дальновидным государственным расчетом. Слушая его, невозможно было заподозрить неискренность: каждое слово звучало настолько убедительно, что казалось рожденным в самом сердце, а не тщательно выверенным расчетом.

Но настоящим предметом гордости Льстеца был даже не язык, а позвоночник. Ради совершенства он упражнялся ежедневно многие годы. Он сгибался утром, сгибался днем, сгибался вечером, а если рядом случайно проходил кто-нибудь влиятельный, то мог поклониться и среди ночи. Со временем его тело приобрело поразительную гибкость. Он умел кланяться стоя, сидя, на ходу и даже падая. Мог согнуться так низко, что подбородок касался собственных коленей, а затылок почти лежал на пятках. Иногда казалось, будто у него вовсе отсутствуют кости, а вместо позвоночника внутри натянута мягкая веревка. Даже придворные факиры и акробаты признавали свое поражение перед этим необыкновенным искусством. Говорили, что однажды во дворце показали огромного удава, способного завязаться узлом, но, увидев поклон Льстеца, змея лишь разочарованно уползла, поняв, что ей никогда не сравниться с человеком, посвятившим жизнь подобному ремеслу.

Султан, разумеется, души не чаял в таком подданном. Каждый раз, когда Льстец начинал превозносить его имя, правитель забывал обо всех заботах. В его речах султан становился не просто государем, а величайшим из всех властителей, когда-либо ступавших по земле. Оказывалось, что древние цари лишь подготавливали мир к его рождению, великие полководцы прошлого мечтали бы служить под его началом, а знаменитые мудрецы с радостью записались бы к нему в ученики. Льстец с легкостью находил у султана сходство с легендарными предками, уверяя, что кровь великих завоевателей и пророков течет именно в его жилах. Если правитель выигрывал небольшую пограничную стычку, то это сравнивалось с покорением половины мира. Если строилась новая дорога, то Льстец объявлял ее чудом инженерной мысли, которому будут завидовать будущие поколения. И чем невероятнее звучали его слова, тем сильнее нравились они султану.

Но еще больше правитель восхищался поклонами своего любимца. Остальные придворные тоже склоняли головы, однако делали это как-то неловко, без вдохновения, словно исполняли неприятную обязанность. Их поклоны выглядели слишком человеческими. Поклон же Льстеца был настоящим представлением. Он изгибался столь грациозно, что казалось, будто перед султаном склоняется не человек, а сама преданность, принявшая человеческий облик. Иногда придворные даже переставали слушать его речь и с восхищением наблюдали за тем, в какую невероятную фигуру сложится его тело на этот раз. Султан не раз думал, что подобное

мастерство требует не меньшего таланта, чем искусство поэта или полководца, а потому относился к Лъстецу с особой благосклонностью, считая его человеком необычайного ума.

Поэтому Лъстец жил во дворце лучше многих визирей. Когда же у султана портилось настроение, он первым делом приказывал привести своего любимого раба. Тот появлялся почти мгновенно, складывался в глубокий поклон и начинал говорить тем самым голосом, который действовал на правителя лучше любого лекарства:

— О, Ваше величество! Нет на земле государя мудрее, справедливее и великодушнее вас! Не зря весь народ благословляет ваше имя, чиновники считают за честь служить вам, а соседние державы только и мечтают о дружбе с нашим великим султаном!

— А ты не врешь? — с некоторым подозрением спрашивал султан, хотя подобный вопрос задавал скорее по привычке.

Лъстец театрально прижимал руки к груди и изображал искреннее изумление.

— Да разве возможно лгать такому великому повелителю? Посмотрите сами. Каждое утро во всех школах, медресе и государственных учреждениях поют песни в вашу честь. Ваши портреты украшают площади, улицы, рынки и дворцы. Ваши мудрые слова изучают ученики, а ученые мужи не смеют защищать свои трактаты, если в них не приведены многочисленные цитаты из ваших бессмертных речей. Некоторые даже говорят, что хорошая диссертация должна хотя бы на треть состоять из ваших мыслей. Разве хоть один король или император может похвастаться подобным?

Лицо султана постепенно расплывалось в довольной улыбке.

— Да... пожалуй, ты прав.

— И это еще не всё, государь. На каждый праздник во дворец приходят тысячи поздравительных писем, и все они печатаются в государственных летописях. А когда вы проезжаете по улицам в своем роскошном бронелимузине, весь народ почтительно склоняет головы.

Произнеся это, Лъстец согнулся столь низко, что казалось, будто из земли торчат только его уши. Поднявшись, он с прежним вдохновением продолжил:

— А разве можно забыть наш главный государственный праздник, который сами жители ласково называют «Театром для одного зрителя»? Лучшие певцы, танцовщики, музыканты и актеры выступают исключительно ради вашего удовольствия. Где еще на свете найдется столь счастливое государство, как наш султанат, ставший великим лишь благодаря вашей мудрости и вашему беспримерному правлению?

Однажды он приказал запрячь роскошный бронелимузин и отправился в сопровождении многочисленной свиты по стране. Вскоре кортеж остановился возле огромного хлопкового поля, где под палящим солнцем крестьяне рыхлили землю и пропалывали грядки. Один из них, загорелый, уставший, в заплатанной одежде, не обращая внимания на поднявшуюся суматоху, продолжал работать мотыгой.

— Позовите-ка мне этого простолюдина, — приказал султан.

Стражники поспешили исполнить приказ. Они почти силой оттащили крестьянина от работы и подвели к автомобилю.

— Эй, деревенщина, — высокомерно произнес султан, выглядывая из окна, — что ты думаешь о новом правителе?

Ему уже слышались в воображении слова благодарности, пожелания долгих лет жизни и рассказы о всеобщем счастье. Однако крестьянин лишь нахмурился.

— Ничего хорошего я о нем не думаю.

Султан даже вздрогнул.

— Почему?

— Потому что он не дал нам землю в частную собственность. Как и прежний султан, забирает большую часть урожая хлопка и зерна. Заставляет покупать дорогие тракторы, которые нам не по карману. Повысил налоги. Его чиновники обирают нас, словно саранча, страж-

ники избивают и пытаются моих сыновей, а банкиры придумывают новые способы отнять деньги, заработанные нашим потом и кровью. Так скажи мне, чему я должен радоваться?

Лицо султана налилось краской.

— Как смеешь ты так говорить, неблагодарный! — вскричал он. — Разве не он освободил вас? Разве не он принес стране независимость? Вы должны склоняться перед ним каждый раз, когда видите его! Если бы не он, вы до сих пор жили бы в темноте и нищете!

Но крестьянин лишь горько усмехнулся.

— Какая еще свобода? — спросил он. — Он освободил только самого себя — от прежнего султана, которому долгие годы служил начальником секретной стражи. Себе он дал независимость от старого хозяина, а нам хозяина просто заменили на другого. Нас как держали в рабстве, так и держат. Только цепи стали тяжелее. Никогда я не согну спину перед таким правителем. Я кланяюсь лишь хлопчатнику и колосьям пшеницы, потому что они кормят мою семью. Перед властью же склоняются только те, кто живет за ее счет. Старый султан сделал нас бедными, а новый лишь глубже загнал в эту яму.

Султан ничего не ответил. Он раздраженно захлопнул дверцу бронелимузина и велел ехать дальше.

В соседнем городе он остановился возле большого завода и подозвал рабочего. Тот сказал почти то же самое.

— Нам обещали достойную жизнь, а получили мы только новые обещания. Зарплаты не хватает даже на еду, начальство богатеет, а простые люди считают каждую монету.

Потом султан поговорил с учителем.

— Школы ветшают, книг не хватает, зато портретов власти становится все больше, — ответил тот.

Врач пожаловался на отсутствие лекарств и оборудования. Торговец — на бесконечные поборы. Парикмахер — на чиновников, требующих бесплатного обслуживания. Даже дети, услышав имя нового султана, кривились и отворачивались. Везде он встречал одно и то же — усталость, раздражение и презрение.

К вечеру султан вернулся во дворец мрачнее тучи. Он приказал никого к себе не пускать, заперся в тронном зале и долго ходил взад и вперед между колоннами. В голове не укладывалось, почему народ оказался таким неблагодарным. Ведь он действительно сверг прежнего правителя, а значит, по его убеждению, уже заслуживал вечной любви.

Но никто не прославлял его. Никто не восхищался им. Никто не падал ниц. И именно это мучило его сильнее всего. Наконец султан тяжело опустился на трон и вздохнул.

— Видимо, придется вернуть Лъстеца. Без сладких речей и подобострастных поклонов власть становится какой-то пресной. Пожалуй, правителю трудно жить, если никто ежедневно не напоминает ему о собственном величии. Без подхалимов плохо спится, плохо естся, плохо правится. Кто-то ведь должен убеждать меня, что народ счастлив.

В тот же день стражники спустились в глубокий зиндан и вытащили Лъстеца на свет. За время заключения он сильно изменился. Лицо осунулось, одежда превратилась в лохмотья, тело покрывали следы болезней и укусов насекомых. Но стоило ему услышать, что султан возвращает его ко двору, как глаза снова оживились. Получив увесистый кошелек с серебром, он мгновенно забыл о пережитых страданиях.

Придворные лекари окружили его необычайной заботой. Они старательно лечили бывшего узника лучшими мазями и снадобьями, надеясь, что благодарный Лъстец при случае замолвит за них доброе слово перед государем. Через несколько недель он снова выглядел почти так же, как прежде. Надев новый халат, расшитый серебряными и золотыми нитями, Лъстец долго любовался своим отражением в зеркале, поправляя складки одежды и приглаживая бороду.

— Что ни говори, — с самодовольной улыбкой произнес он, — ни один султан, ни один эмир, ни один король, президент или иной властитель не обходился без льстецов, лжецов, подхалимов и лизоблюдов. Любая власть сначала презирает нас, потом прогоняет, а в конце концов снова зовет обратно. Потому что сладкая ложь всегда приятнее горькой правды. А уж в своем ремесле мне равных нет.

С этими словами он направился во дворец, где новый султан уже с нетерпением ждал привычных речей о безграничной любви народа, всеобщем процветании государства и смертельном страхе, который якобы испытывали перед ним соседние державы.

И Лстец действительно оказался прав. Пока власть больше любит похвалу, чем истину, возле трона всегда найдется место для тех, кто готов превратить ложь в профессию, а раболепие — в искусство. Лишь там, где правитель предпочитает слушать неискренние восхваления вместо честных слов, лесть и обман чувствуют себя как дома, а подлость становится выгодным ремеслом.

(16 июня 2007 г., Элгг)

На смерть чиновника

В одном большом ведомстве работал Чиновник. Настоящий, образцовый, почти музейный экземпляр. Если бы существовала Красная книга бюрократии, его портрет непременно украшал бы первую страницу.

Он никогда не спешил. Спешка, по его глубокому убеждению, была уделом курьеров, пожарных и простых смертных. Государственный человек обязан двигаться размеренно, с достоинством, словно каждое его появление в коридоре уже является важным государственным событием.

Его рабочий стол исчезал под горами папок. Никто не знал, что лежало в большинстве из них. Поговаривали, что некоторые папки были пустыми, но их запрещалось открывать, потому что пустая папка тоже создавала впечатление напряженной работы. На столе обязательно стояли три телефона: городской, внутренний и красный. Красный почти никогда не звонил, зато время от времени Чиновник снимал трубку, серьезно молчал несколько секунд и затем отвечал:

— Понял... Исполним...

После чего медленно клал трубку и задумчиво смотрел в окно. Никто не осмеливался спрашивать, кто звонил.

На стене висели многочисленные грамоты, благодарности, сертификаты участия в конференциях, форумах, круглых столах, расширенных заседаниях, сокращенных заседаниях и даже заседаниях по подготовке следующих заседаний.

Начальство ценило его чрезвычайно высоко. Не за количество решенных вопросов — подсчитать их было невозможно, — а за виртуозное владение главным государственным искусством: процессом. Он умел превращать любой простой вопрос в многоступенчатую административную процедуру с согласованиями, визами, экспертными заключениями и межведомственной перепиской. Там, где другой чиновник ставил подпись за пять минут, он организовывал рабочую группу, создавал комиссию, утверждал график рассмотрения вопроса и назначал ответственных за подготовку проекта предварительного проекта решения.

Равных ему не было. Сам он любил повторять:

— Чиновник должен показать, как важен и как занят! Нужны постоянные заседания и пятиминутки! И только тогда народ поймет, что чиновника нужно уважать!

Эту фразу сотрудники слышали так часто, что некоторые начинали автоматически вставать со своих мест, едва начальник произносил слово «заседание».

Попасть к нему было почти невозможно. Перед кабинетом всегда сидели десятки посетителей. Кто-то пришел за подписью, кто-то за разрешением, кто-то за ответом на свое обращение.

ние. Некоторые настолько долго ожидали приема, что успевали познакомиться, подружиться и даже обсуждать между собой, как выросли их дети за время ожидания.

Но неизменно появлялась секретарша — женщина с безупречной прической, папкой в руках и голосом, в котором удивительным образом сочетались вежливость и абсолютная надежность.

— Извините, шефа вызвали на заседание в Кабинет Министров...

Через некоторое время она выходила снова.

— Он сейчас проводит планерку, подождите...

Спустя час следовало новое объяснение:

— Его отправили в командировку, и сегодня его не будет...

На следующий день звучало:

— Идет заседание коллегии, и босс там выступает, вряд ли найдет для вас время...

А если какой-нибудь особенно настойчивый посетитель все-таки приходил снова, секретарша лишь сочувственно разводила руками:

— Ооо, вы не вовремя пришли, идет политобразование по книгам президента, а такое мероприятие пропускать нельзя, так что приходите на следующей неделе... а лучше — через месяц...

И люди уходили, неся с собой папки с документами, надежду и номерок электронной очереди, который давно потерял всякий смысл.

Со временем Чиновник решил поделиться своим бесценным опытом. Он написал несколько книг для сотрудников министерств, ведомств, комитетов, агентств, служб, инспекций и прочих учреждений, чьи названия занимали не меньше трех строк официального бланка. Книги назывались внушительно: «Основы современного государственного делопроизводства», «Бумага как инструмент управления», «Протокол — душа государства» и «Административная мудрость для начинающих руководителей».

Главная мысль всех трудов была проста. Каждое действие необходимо протоколировать. Каждую справку следует подтверждать другой справкой. Каждое подтверждение обязано иметь приложение. Каждое приложение должно быть заверено. А заверенная копия обязана храниться отдельно от оригинала — на случай проверки хранения заверенной копии оригинала. Автор особенно подчеркивал: «Работайте исключительно с документами. Написанное пером не вырубить топором. А люди никуда не денутся — в стране их много.»

Отдельная глава объясняла молодым чиновникам, почему нельзя воспринимать посетителей слишком близко к сердцу. «Чиновников мало, а жителей в стране более двадцати семи миллионов. Если переживать за каждого, никакого здоровья не хватит. Следует мыслить исключительно государственными категориями. Зарплату, кабинет, автомобиль, кондиционер и секретаршу предоставляет государство, следовательно, интересы государства всегда выше интересов отдельных граждан.»

Особое место занимал раздел под названием «Рациональное использование трудовых ресурсов». В нем автор доказывал, что граждан нельзя надолго оставлять в одной профессии, иначе они начинают считать себя незаменимыми.

Поэтому учителя должны время от времени практиковаться на швейных фабриках. Предприниматели — собирать хлопок. Врачи — подметать улицы. Водители автобусов — варить сталь. Прокуроры — руководить сельским хозяйством. Полицейские — обучать журналистов писать правильные статьи.

А если возникнет нехватка специалистов, значит, система успешно воспитывает универсального гражданина, одинаково пригодного для любой работы.

Заканчивалась каждая книга торжественным предупреждением. Без чиновников, писал автор, республика немедленно погрузится в хаос. Исчезнут комиссии, перестанут созываться заседания, некому будет согласовывать согласования, визировать визы и утверждать гра-

фики утверждения. Документы начнут подписываться слишком быстро, люди станут получать ответы без длительного ожидания, а учреждения — работать по существу. В качестве доказательства приводились примеры из разных стран, где, по мнению автора, именно недостаток правильной бюрократии приводил ко всем возможным бедам. Если где-то случался экономический кризис — значит, не хватило согласований. Если менялось правительство — очевидно, забыли создать межведомственную комиссию. Если граждане выходили протестовать, следовало увеличить количество круглых столов, рабочих групп и консультативных советов. А если какое-нибудь государство успешно развивалось без подобных методов, то автор объявлял этот случай временным недоразумением, которое рано или поздно исправит сама история.

И каждый новый тираж его книг расходился по ведомствам быстрее, чем реальные проблемы граждан — по кабинетам. Ведь проблемы требовали решений, а книги — лишь очередного обязательного изучения с последующим протоколом о прохождении политико-методического семинара.

Конечно, книга Чиновника мгновенно приобрела статус почти священного документа. Ее напечатали огромным тиражом на плотной мелованной бумаге с золотым тиснением на обложке и гербом на первой странице. Затем экземпляры разослали по всем министерствам, комитетам, агентствам, инспекциям, управлениям, департаментам и даже самым маленьким районным отделам, где до этого никто и не подозревал, что работает неправильно.

Вместе с книгой поступило распоряжение: «Изучить. Руководствоваться. Неукоснительно исполнять.»

Через неделю начались семинары по изучению книги. Через месяц — семинары по итогам семинаров. Потом — круглые столы по обсуждению результатов изучения. Следом — тестирование. После тестирования — аттестация. После аттестации — повторная аттестация для тех, кто недостаточно глубоко понял замысел автора.

Особенно строго проверяли главную мысль.

— Что важнее: быстро решить вопрос гражданина или правильно оформить процедуру? Правильный ответ был известен каждому:

— Процедура.

— Что делать, если человек плачет?

— Зарегистрировать обращение.

— Если человек очень плачет?

— Зарегистрировать в двух экземплярах.

— Если вопрос можно решить за пять минут?

— Создать рабочую группу.

Тех, кто пытался спорить, спрашивали:

— Вы что же, хотите нарушить государственную дисциплину?

После этого желающих спорить больше не находилось. Нескольких молодых сотрудников, которые осмелились принимать посетителей без предварительного согласования с пятью начальниками, действительно уволили. Одного инспектора лишили должности за то, что он подписал разрешение в день обращения гражданина.

В приказе было указано: «За проявление необоснованной оперативности и создание опасного прецедента.» После этого все окончательно поняли: карьера заканчивается не тогда, когда ничего не делаешь, а тогда, когда делаешь слишком быстро. И книга Чиновника стала настоящей настольной библией бюрократии.

Однажды утром Чиновник торопился на очередную встречу в парламент. Там предстояло выступить с докладом о роли и значении законов в жизни государства.

В приемной, как обычно, сидели сотни посетителей. Старики держали в руках пожелтевшие папки. Молодые родители пришли с детьми. Инвалиды опирались на костыли. Предприниматели нервно листали документы. Кто-то ожидал своей очереди уже третий месяц.

Но Чиновник, не взглянув в сторону людей, быстро прошел по коридору.

— Очень важное государственное мероприятие! — бросил он секретарше.

Черный служебный автомобиль плавно выехал со двора ведомства. Водитель спешил. На перекрестке он попытался проскочить на высокой скорости. В следующее мгновение раздался страшный удар. Машину развернуло. Она на полном ходу врезалась в переполненный троллейбус.

Зазвенели стекла. Металл смялся, словно бумага. Людей отбросило на несколько метров. По дороге разлетелись документы, сумки и осколки стекла. Кто-то кричал. Кто-то пытался выбраться самостоятельно. Кто-то уже не подавал признаков жизни.

Очевидцы бросились помогать пострадавшим.

— Скорую! Скорее вызывайте скорую!

Телефоны раскалились от звонков. Но минуты шли. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Карет скорой помощи не было. Лишь позже выяснилось, что в это утро весь медицинский персонал городских больниц срочно собрали на обязательное политическое просвещение.

Главный врач лично объяснял медикам необходимость изучения новой редакции книги Чиновника. Явка была обязательной. За отсутствие грозило увольнение.

Когда попытались отправить машины без врачей, обнаружилось, что водителей санитарных автомобилей еще неделю назад направили выполнять государственно важное поручение — собирать металлолом. По отчетам департамента здравоохранения показатели по сбору вторичного сырья значительно отставали от плана. А спасение людей, как объяснили в управлении, "не должно мешать выполнению общегосударственных задач".

Только один случайный прохожий, пожилой мужчина на стареньком автомобиле, не стал ждать. Он осторожно вытащил окровавленного Чиновника из искореженной машины.

— Держитесь... Сейчас довезу...

И помчался в ближайшую клинику. Прошло почти полчаса. Лишь тогда в приемное отделение неторопливо вошла регистраторша. Она только что вернулась с расширенного совещания коллег по вопросам совершенствования организации приема пациентов.

Не обращая внимания на окровавленного человека на каталке, она спокойно включила компьютер, аккуратно поправила очки и достала толстую стопку бланков.

— Фамилия?

Чиновник с трудом открыл глаза.

— Быстрее... пожалуйста...

— Не перебивайте. Мне нужно заполнить форму.

Она начала печатать одним пальцем.

— Год рождения?

— Место жительства?

— Адрес регистрации?

— Фактическое место проживания совпадает с регистрацией?

— За границей были?

— Судимость имеется?

— Декларацию о доходах подавали своевременно?

— Есть ли задолженность по коммунальным платежам?

Каждый ответ давался ему все тяжелее. Кровь продолжала стекать на пол. Дыхание становилось прерывистым.

— Прошу вас... помогите мне... — почти неслышно прошептал Чиновник. — Мне нужна операция...

Регистраторша сочувственно кивнула.

— Конечно поможем.

Она поставила очередную печать.

— Только сейчас обед.
— Но...
— Врачи не могут работать без обеда.
Она открыла следующий журнал.
— А сразу после обеда всех собирает главный врач.
— Зачем?..
— Сегодня экзамен по книге Чиновника.
Она произнесла это с особой серьезностью.
— Кто не сдаст — будет уволен.
Регистраторша развела руками.
— Сами понимаете... Потерпите.
— Мне... плохо... — шептал Чиновник. — Я... не выдержу... Не протяну столько...
Острая боль уже охватила половину тела. Другая половина почти перестала слушаться.
— Прошу... ускорьте...
Женщина посмотрела на него так, словно он просил нарушить государственную тайну.
— Извините, но нам нельзя близко к сердцу воспринимать заявления пациентов. Этому нас прямо учит ваша... — она быстро поправилась, — то есть наша методическая литература.
Она перелистнула еще несколько страниц.
— Возможно, операцию сегодня вообще не проведут.
— Почему?..
— Анестезиолога срочно вызвали в департамент готовить реферат по теории медицины.
— Хирург сейчас участвует во встрече с зарубежными коллегами.
— Медсестры проходят обязательные курсы по стрижке газонов и правильному размахиванию флажками во время проезда президента.
Она пожала плечами с профессиональным спокойствием.
— Сами понимаете... Такие мероприятия из-за одного пациента никто пропустить не может. Ведь государственные интересы всегда выше частных. Именно так написано в книге. И все обязаны действовать по инструкции.
Еще целый час Чиновник лежал на каталке.
Он уже не кричал. Сначала просил. Потом умолял. Потом лишь едва слышно повторял:
— Помогите... пожалуйста...
Но возле него продолжали шелестеть бумаги. Регистраторша оформляла карточку. Дежурная медсестра заполняла журнал учета. Кто-то звонил в департамент и согласовывал форму нового бланка. Из кабинета главного врача доносились голоса:
— Вопрос третий повестки дня... Кто за?.. Единогласно...
В какой-то момент сердце Чиновника остановилось. Он умер так же, как при жизни уми-
рали в бесконечных очередях надежды сотен людей, которых он заставлял ждать месяцами.
Только и после смерти ничего не изменилось. Тело еще долго оставалось лежать в приемном отделении. Его не торопились отвезти в морг. Выяснилось, что санитары находятся на уборке хлопка. Таково было новое распоряжение.
Ведь именно этому учила книга Чиновника: государственные задачи прежде всего, а непосредственные обязанности могут и подождать.
Кто-то предложил вызвать другую бригаду. Но оказалось, что другая бригада помогает благоустраивать территорию перед очередным официальным визитом. Третья проходила курсы повышения квалификации по правильному оформлению актов транспортировки тел. Четвертая составляла отчет о причинах отсутствия первых трех.
Все было строго по инструкции. Лишь в последние мгновения жизни, когда сознание еще не окончательно покинуло его, Чиновник вдруг ясно увидел то, чего не замечал долгие годы.

Он вспомнил лица людей в своей приемной. Старика, которому нужна была одна-единственная подпись. Молодую мать с больным ребенком. Учителя, предпринимателя, врача, пенсионера...

Всех тех, кого он когда-то отправлял ждать. Всех тех, кому отвечали:

— Приходите через неделю...

— Через месяц...

— Сейчас совещание...

— Сейчас заседание...

— Сейчас не до вас...

Он вдруг понял, что государство существует не ради бумаг. Не ради заседаний. Не ради отчетов. И даже не ради самих чиновников. Оно существует ради людей. А если человек перестает видеть в другом человеке человека, никакая должность уже не имеет значения.

Он хотел что-то сказать. Хотел попросить прощения. Хотел отменить собственную книгу. Хотел приказать сжечь ее во всех ведомствах. Но было уже поздно. Его последние слова так и остались неслышным шепотом.

А книга продолжала лежать на столах тысяч кабинетов. По ней по-прежнему сдавали экзамены. По ней по-прежнему учили молодых чиновников. По ней по-прежнему жили целые учреждения. И никто не заметил, что ее автор умер именно так, как сам когда-то научил относиться к людям.

Потому что человеком нужно быть при жизни. Когда еще можно помочь. Когда еще можно остановиться. Когда еще можно выбрать сострадание вместо инструкции.

(18.06.2007 г., Элгг)

Прокурорские очки

В одной далекой стране жил мальчик. Он был худощавым, любознательным и необычайно серьезным для своих лет. Пока его сверстники гоняли мяч во дворе или бегали купаться на реку, он любил сидеть на старой деревянной скамейке возле дома и подолгу наблюдать за жизнью взрослых. Ему казалось, что мир устроен неправильно. И самое удивительное заключалось в том, что окружающие давно перестали этому удивляться.

Мальчик рос в атмосфере бесправия, произвола, деспотии и преступности. С раннего детства он видел вещи, которые не должен видеть ни один ребенок. Почти каждую неделю кого-нибудь из знакомых или соседей грабили люди с дорогими автомобилями и многочисленной охраной. Все прекрасно знали, кто они такие, но никто не смел произнести их имена вслух. Через некоторое время эти же люди неожиданно становились депутатами, получали неприкосновенность и уже с высоких трибун рассуждали о честности, законности и заботе о народе. Для мальчика это было совершенно непостижимо. Как вчерашний бандит мог за одну ночь превратиться в уважаемого государственного деятеля?

Не меньше поражало его и поведение милиции. Он видел, как люди, которые с утра до вечера работали на заводах, фабриках или в поле, возвращались домой избитыми после допросов. Одних задерживали за жалобы на начальство, других — за попытку добиться справедливости, третьих — просто потому, что кому-то понадобилось выполнить план по раскрытию преступлений. Настоящие же преступники свободно разъезжали по городу, обедали в дорогих ресторанах, сидели в первых рядах на государственных праздниках и охотно давали интервью журналистам.

Мальчик никак не мог понять и странную работу банков. Он видел, как его соседи месяцами трудились на хлопковых плантациях, женщины с утра до позднего вечера шили одежду на фабриках, мужчины работали на стройках и в шахтах, но когда приходили за своими честно заработанными деньгами, банковские служащие неизменно разводили руками и говорили, что

наличности нет. Однако вечером к тем же банкам подъезжали дорогие иномарки, из которых выходили важные люди, и для них почему-то деньги всегда находились.

Еще больше вопросов возникало у мальчика, когда он слышал рассказы солдат, вернувшихся из армии. Почему султан не наказывает генералов, которые позволяют офицерам издеваться над рядовыми? Почему родители плачут, получая письма от сыновей? Почему никто не отвечает за унижения, побои и человеческие судьбы? И почему люди, разворовывающие газ, нефть, золото, металлы и другие богатства страны, не сидят в тюрьмах, а продолжают становиться все богаче, покупая роскошные дворцы и дорогие автомобили?

Когда мальчик задавал взрослым подобные вопросы, ему обычно отвечали уклончиво. Одни просили не интересоваться тем, что его не касается. Другие тяжело вздыхали и говорили, что такова жизнь. Третьи испуганно оглядывались по сторонам и советовали никогда не произносить подобных слов при посторонних. Но именно это молчание казалось ему самым страшным. Если никто не хочет бороться с несправедливостью, значит, она будет существовать вечно.

Особенно тяжело было смотреть на собственную семью. Его отец много лет работал учителем, а мать — врачом в районной больнице. Они вставали затемно, возвращались домой поздним вечером, постоянно брали дополнительную работу, проверяли тетради, дежурили по ночам, но получали настолько мизерную зарплату, что денег едва хватало на самое необходимое. Иногда мать незаметно отказывалась от ужина, уверяя детей, что не голодна, хотя мальчик прекрасно понимал: она просто хочет оставить лишний кусок хлеба своим детям.

Его братья и сестра тоже рано начали работать. Один стоял у фрезерного станка, другой помогал выращивать рис, сестра вместе со взрослыми собирала хлопок под палящим солнцем. Все трудились честно и добросовестно, однако денег в семье по-прежнему не хватало ни на новую одежду, ни на игрушки, ни даже на полноценное питание. Мальчик все чаще думал о том, что честный труд почему-то приносит людям только усталость, тогда как богатство достается тем, кто никогда ничего не производил собственными руками.

Он считал это глубоко несправедливым и мечтал изменить мир. Но в отличие от многих взрослых, говоривших о революциях и восстаниях, мальчик не верил в силу оружия. Он был убежден, что зло невозможно победить новым злом. Настоящие перемены должны происходить через закон, потому что именно закон обязан защищать слабых и наказывать виновных.

Именно тогда у него появилась мечта стать прокурором.

В его стране прокуроры пользовались особым уважением. Они носили специальные черные очки, о которых ходили почти легенды. Старики рассказывали детям, что это необычные очки. Стоило прокурору их надеть, как он сразу видел любую ложь, любое преступление и любую несправедливость, которые были скрыты от глаз обычных людей. Если простой человек видел перед собой уважаемого бизнесмена, то прокурор в своих очках мог увидеть обычного мошенника. Если кто-то пытался скрыть преступление за красивыми словами и дорогим костюмом, очки все равно показывали истину.

Поэтому люди часто говорили: там, где появляется прокурор, обязательно наступают справедливость и порядок. Там преступники боятся нарушать закон, честные люди чувствуют себя защищенными, а государство становится сильнее. Когда взрослые произносили слова «прокурорские очки», в их голосе всегда звучало особое уважение.

Мальчик часто представлял себе тот день, когда сам наденет такие очки. «Вот получу их, — думал он, — и сразу увижу всех преступников. Я накажу виновных, верну людям украденное, заставлю банки выплатить честно заработанные деньги, освобожу невиновных, а те, кто годами обманывал народ, наконец окажутся за решеткой. Тогда никто не будет жить в нищете, каждый станет получать то, что заработал своим трудом, а закон станет одинаковым для всех».

Эта мечта постепенно превратилась в цель всей его жизни. Он старательно учился, не пропускал ни одного урока, много читал и твердо решил поступить в юридический институт.

Прошли годы. Мальчик вырос и действительно сумел стать студентом юридического факультета. Пять лет он изучал уголовное право, криминалистику, конституцию, судебную практику и десятки других дисциплин, искренне веря, что все полученные знания однажды помогут ему сделать мир справедливее.

Наконец настал день выпуска. В большом зале собрались преподаватели, родственники и представители государства. Один за другим молодых выпускников вызывали на сцену, вручали дипломы и поздравляли с началом службы.

Когда назвали его имя, он с волнением поднялся на сцену. Представитель султана торжественно открыл бархатную коробку, достал из нее черные очки и собственноручно надел их на нового прокурора.

— Теперь ты представляешь закон, — торжественно произнес он. — Тебе доверяет сам глава государства. Ты должен оправдать это доверие, с честью носить звание прокурора и эти очки правосудия.

Юноша почувствовал, как сердце забилося быстрее. В тот момент он был абсолютно счастлив. Ему казалось, что все его детские мечты наконец начинают сбываться. Он еще не знал, что настоящие свойства этих очков окажутся совсем не такими, какими он представлял их все эти годы.

Юноша с благоговением взял черные очки, аккуратно поправил их на переносице и впервые посмотрел на мир глазами прокурора.

И мир действительно преобразился. Все вокруг осталось на своих местах — те же улицы, те же дома, те же люди, — но смысл происходящего словно перевернулся. Еще минуту назад ему казалось, что милиционеры избивают дубинками людей только за то, что те осмелились думать иначе, чем султан. Теперь же очки показывали совсем другую картину. Перед ним были уже не мирные граждане, а опасные смутьяны, которые пытались посеять беспорядок в обществе, расколоть народ и поколебать устои государства. Каждый удар дубинки выглядел не жестокостью, а необходимой профилактикой хаоса.

— Если позволить каждому иметь собственное мнение, — будто бы шептали очки, — скоро каждый захочет иметь и собственную правду. А государство не может существовать с несколькими правдами одновременно.

Юноша удивленно моргнул. Он перевел взгляд на людей с зелеными флагами, которые выступали против загрязнения рек и вырубки лесов. Еще вчера он искренне считал их защитниками природы. Но через черные стекла все изменилось. Теперь он видел длинные цепочки денежных переводов, иностранных консультантов, тайные встречи и загадочные инструкции на незнакомых языках.

— Экологическое движение финансируется западными спецслужбами, — уверенно подсказывали очки. — Их задача — не спасать природу, а подорвать доверие народа к власти и самому главе государства.

Он посмотрел на правозащитников. Еще недавно это были люди, которые бесплатно защищали тех, кого считали несправедливо осужденными. Теперь же очки объяснили ему, что они защищают вовсе не людей, а врагов государства. Именно через таких адвокатов в общество проникают вредные идеи, опасные вопросы и сомнения, способные поколебать стабильность.

Журналисты тоже преобразились. Вместо репортеров, рассказывающих о коррупции, бедности и злоупотреблениях, он увидел организаторов будущей цветной революции. Каждая статья, каждый репортаж, каждая фотография выглядели частью огромного заговора. Одни, как показывали очки, пытались дискредитировать власть, другие — раскрывали военные секреты, третьи — специально сгущали краски, чтобы вызвать недовольство населения.

Даже секретная служба больше не казалась ему страшной. Никаких пыток. Никаких незаконных арестов. Очки показывали исключительно напряженную работу профессионалов, которые день и ночь добывают информацию о заговорах, терроризме и иностранных агентах. Если

кто-то после допроса выходил избитым, значит, по версии очков, просто слишком активно сопротивлялся следственным действиям.

Потом юноша увидел тех людей, которых с детства считал бандитами. Но и здесь очки все объяснили. Это были вовсе не преступники. Это оказались уважаемые и добропорядочные частные предприниматели. Да, профиль их бизнеса несколько отличался от привычного. Кто-то занимался игорным бизнесом, кто-то инвестировал в офшорные компании, кто-то успешно работал с банками, а некоторые предпочитали решать коммерческие вопросы весьма убедительными методами. Однако очки настойчиво убеждали:

— Это современные инвестиционные модели.

— Они не скрывают доходы от налогов.

— Они лишь перераспределяют капитал в наиболее перспективные отрасли экономики.

Юноша почувствовал странное головокружение. Все выглядело настолько убедительно, что он невольно снял очки. И в тот же миг мир снова перевернулся. Исчезли красивые объяснения.

Перед ним опять стояли изможденные фермеры, обливаясь потом на хлопковых полях. Подростки в потертых куртках работали у заводских станков вместо того, чтобы сидеть за школьными партами. Во дворе пьяный отец избивал собственного сына, заставляя его завтра идти просить милостыню, а дочь — искать заработок там, где ребенку вообще не место.

Полицейские дружески здоровались с сутенерами и грабителями, получая свою долю за спокойную работу преступного бизнеса. Министры вывозили государственное имущество в собственные особняки, а деньги исчезали за границей быстрее, чем успевали появляться в бюджете. Во дворце султан подписывал один указ за другим, причем каждый новый документ удивительным образом совпадал с интересами очередной иностранной торговой компании. А прошения о помиловании людей, осужденных за свои убеждения или научные открытия, не укладывавшиеся в официальную картину мира, так и оставались лежать без подписи.

Юноша сорвал очки и в отчаянии воскликнул:

— Да что же это за очки такие?! Они ведь изменяют мир с правды на неправду! Они обманывают меня!

В этот момент рядом неслышно появился Главный прокурор. Это был седой человек с таким же непроницаемым лицом и такими же черными очками. Он внимательно посмотрел на молодого коллегу и чуть заметно улыбнулся.

— Не спеши с выводами, — спокойно сказал он. — Надень-ка их еще раз.

— Зачем?

— И посмотри не на других...

Он сделал небольшую паузу.

— Посмотри на свою зарплату.

Юноша недоуменно выполнил приказ.

— Теперь посмотри на свой дом.

Он повернул голову. Там, где еще недавно стояла старая, покосившаяся хижина, возвышался просторный особняк из белого мрамора с колоннами, фонтаном и ухоженным садом.

— А теперь взгляни на свою машину.

Вместо старой скрипучей арбы возле ворот стоял роскошный черный автомобиль, сверкавший так, будто только что выехал из салона.

— И последнее...

Главный прокурор указал рукой на тяжелый железный сейф. Юноша открыл дверцу. Внутри аккуратными рядами лежали золотые слитки, пачки банкнот и драгоценности.

Он невольно вспомнил родительский деревянный сундук, где когда-то хранились лишь медные обручальные кольца, несколько семейных фотографий и пара монет, отложенных на черный день.

Пораженный, он медленно снял очки. И замер. Особняк не исчез. Автомобиль остался на месте. Сейф по-прежнему был полон золота и денег. Юноша несколько раз быстро надел и снял очки, словно боялся, что это сон. Ничего не менялось. Он долго молчал, а потом широко улыбнулся.

— Вот оно что... Значит, это правильные очки... Они меня не обманывают.

Главный прокурор удовлетворенно кивнул.

— Теперь ты начинаешь понимать смысл службы.

С того дня молодой прокурор больше никогда не снимал своих черных очков. Очень скоро он научился видеть только те преступления, которые разрешалось замечать, и не видеть тех, которые замечать было не положено.

И чем дольше он носил эти очки, тем меньше вокруг оставалось нарушений закона... по крайней мере тех, которые отражались в прокурорских отчетах. А остальной мир постепенно переставал для него существовать.

С тех пор молодой прокурор уже ничем не отличался от своих коллег. Все они носили одинаковые черные очки. Они стали такой же обязательной частью мундира, как погоны или служебное удостоверение. Некоторые прокуроры снимали их только перед сном, другие не расставались с ними даже дома. Со временем никто уже не мог сказать, где заканчиваются сами очки и начинается их владелец.

Через эти стекла мир выглядел удивительно спокойным и благополучным. Поэтому прокуроры не замечали, как в тюрьмах над заключенными издевались надзиратели, оправдывая любую жестокость необходимостью поддержания дисциплины. Они не видели, как сотрудники иностранных посольств, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, избегали ответственности после гибели случайных прохожих. Не замечали и того, как чиновники, мэры, сенаторы и другие высокопоставленные лица ежедневно нарушали права обычных людей, будучи уверенными, что закон существует не для них.

В прокурорские кабинеты регулярно приходили письма журналистов, рассказывавших о преследованиях, избиениях и угрозах со стороны милиции. Приходили жалобы женщин, которых увольняли за беременность или платили им вдвое меньше мужчин за одинаковую работу. Писали пенсионеры, инвалиды, фермеры, учителя, врачи, предприниматели. Но все эти обращения, проходя через черные стекла прокурорских очков, почему-то превращались в обычные бытовые недоразумения, не требующие прокурорского вмешательства.

Зато очки безошибочно замечали совсем другие преступления. Например, если какой-нибудь человек осмеливался заявить о намерении баллотироваться в султаны, предварительно не спросив действующего султана, можно ли ему это сделать, прокуроры немедленно усматривали в подобных действиях угрозу конституционному строю. Если общественная организация пыталась самостоятельно защищать права граждан, очки сразу обнаруживали признаки подготовки государственного переворота.

Если независимая газета задавала слишком много неудобных вопросов, это подозрительно напоминало информационную диверсию. А если ученый или писатель начинал рассуждать о свободе, значит, где-то рядом непременно скрывались иностранные агенты.

Молодой прокурор быстро сделал карьеру. Особенно прославился он после расследования дела лидера оппозиционного движения.

Следствие оказалось блестящим. Во время обыска у подозреваемого неожиданно обнаружили двадцать тонн наркотиков, тысячу автоматов, сто пулеметов, семь танков и два штурмовика.

Газеты восторженно писали о выдающемся профессионализме молодого прокурора, сумевшего разоблачить заговор невиданного масштаба. Правда, некоторые недоумевали, каким образом все это оружие и военная техника поместились в обычном частном доме, но прокурорские очки подобных вопросов не задавали.

После этого султан лично пожал ему руку. Главный прокурор назвал его примером для молодежи. А государственное телевидение несколько дней подряд рассказывало о герое, спасшем страну от неминуемой катастрофы.

Зато особенно сильно молодого прокурора полюбили люди, которых в народе по старой привычке называли ворами, мошенниками и убийцами. Они чувствовали себя рядом с ним спокойно. Знали, что всегда найдут понимание. Ведь прокурор неизменно объяснял:

— Нельзя судить людей только за то, что они ведут бизнес не так, как это принято где-то в другом мире. Нам Запад не указ. Мы идем своим путем. У нас своя демократия, свои традиции и свое понимание законности. Нас невозможно свернуть с правильного пути, и наш народ никогда ни от кого зависеть не будет.

После таких речей благодарные предприниматели преподносили ему дорогие часы, редкие ковры, золотые украшения, ключи от новых автомобилей и конверты, в которых, как уверяли дарители, лежали исключительно поздравительные открытки.

Султан тоже не забывал своего верного прокурора. На груди молодого человека одна за другой появлялись медали, ордена, почетные знаки и памятные награды за безупречную службу государству.

К сожалению, дома его успехов никто не разделял. Родители все реже приглашали сына в гости. Братья перестали обращаться к нему за помощью. Даже соседи, знавшие его с детства, старались переходить на другую сторону улицы, увидев знакомые черные очки. Они уже не видели в нем того мальчика, который когда-то мечтал защищать слабых.

Они видели лишь носителя власти. И боялись его. Однажды мать не выдержала. Когда сын пришел навестить родителей, она долго смотрела ему в лицо, а потом тихо сказала:

— Сынок... Что же ты делаешь? Ты стал совсем другим... Совсем не нашим...

Он молчал. Она подошла ближе и осторожно коснулась рукой его черных очков.

— Сними их... Пока не поздно... Опомнись...

Молодой прокурор медленно убрал ее руку.

— Мама, ты просто не понимаешь государственных интересов.

Женщина заплакала.

— Нет... Это ты перестал понимать людей...

Но он уже не слушал. Он искренне доверял своим очкам. Поэтому совершенно спокойно отвернулся от собственной семьи. Ему было уютно в том мире, который показывали прокурорские очки. В том мире всегда торжествовала официальная правда. Все решения были правильными. Все начальники — мудрыми. Все приказы — законными.

А виноватыми неизменно оказывались только те, кого разрешалось считать виноватыми. И было в этих очках одно удивительное свойство. Сквозь их темные стекла никогда не проникали совесть. Не проходило сострадание. Не пробивался здравый смысл. Даже сам закон, которому они будто бы служили, каким-то непостижимым образом оставался по другую сторону стекол.

Поэтому, если однажды вам встретится человек в черных прокурорских очках, не спешите завидовать его высокой должности, орденам или громким речам о справедливости. Возможно, это всего лишь тот самый мальчик, который когда-то искренне мечтал построить мир, где царят закон, демократия и справедливость... но однажды надел очки, через которые правда стала выглядеть опаснее самой лжи.

(15 июня 2007 года, Элгт)

Скотный двор. Почти по Дж.Оруэллу

В хлеву, как всегда, было тепло и радостно. У большого корыта с отбросами кормилась жирная чушка по имени Рустамжон. Это был откормленный до неприличия боров с лосня-

щимися боками, маленькими хитрыми глазками, утонувшими в складках сала, и влажным пяточком, который без усталости рылся в помоях в поисках самых лакомых кусков. Его короткий хвостик то и дело закручивался веселой пружинкой, а толстые бока ходили ходуном от восторженного хрюканья. Каждый найденный объедок вызывал у него настоящий приступ счастья: он визжал от удовольствия, звонко цокал копытцами по грязному полу, подпрыгивал и кружился в каком-то диком, почти ритуальном танце благодарности корыту.

Позади него терпеливо ожидали своей очереди другие свинорылые. Они нетерпеливо хрюкали, причмокивали, толкались пяточками и сердито повизгивали, требуя своего законного права на пищу. Но никто не осмеливался отпихнуть Рустамжона — тот ел до тех пор, пока не набивал брюхо до состояния, когда уже и дышать становилось тяжело.

Чуть поодаль, за деревянной оградкой, протяжно мычали пятнистые коровы, подзывая телят или доярок. Их тяжелое вымя было полно молока, и они лениво переступали копытами по соломе, время от времени обмахиваясь длинными хвостами.

В другом конце просторного помещения стояли хмурые волы и высокомерные быки. Они грозно покачивали могучими рогами и ревниво охраняли кормушки с сочным клевером, не подпуская никого постороннего. Закон был прост и не обсуждался: сначала наедаются сильные, затем — те, кто сумеет урвать остатки. Лошади, ослы, бараны и прочая живность терпеливо ожидали своего часа, заранее понимая, что богатого пиршества им не достанется. Таков уж был закон скотного двора: всё — сильному, слабым — помой.

Веселее было во дворе. Там сторожевой пес Матлюб, крупный, жилистый кобель с густой рыже-серой шерстью, порванным левым ухом и тяжелым железным ошейником, обходил свои владения с видом единственного хранителя порядка. Его цепкий взгляд замечал каждое движение, а низкий хриплый лай звучал так, будто он ежеминутно предотвращал государственный переворот. Он без усталости облаивал гусей и куриц:

— Нечего галдеть без толку! Марш в птичник! Яйца сами себя не нанесут!

Гуси недовольно гоготали в ответ, куры возмущенно кудахтали, но все же торопливо разбегались.

Лишь гордые индюки демонстративно игнорировали Матлюба. Надув важные грудки, распутив веером хвосты и вышагивая с таким достоинством, будто являлись потомственными аристократами птичьего мира, они неспешно прогуливались по двору. Впрочем, даже они никогда не переступали границу ограды: каждый прекрасно понимал, что без особой «выездной визы» покидать пределы хозяйства не позволялось.

Зато за цыплятами носился котяра Иноятка — долговязый полосатый разбойник с облезлым ухом, янтарными глазами и вечно ехидной мордой. Он крался удивительно бесшумно, затем неожиданно бросался в самую гущу желтых комочков, заставляя их в панике разбегаться во все стороны. После этого Иноятка лениво переворачивался на спину, делая вид, что всего лишь играет. Но по тому, как он облизывался и внимательно следил за самыми упитанными цыплятами, никто так и не мог понять: действительно ли это безобидная забава или же он просто выжидает удобный момент, чтобы кем-нибудь полакомиться.

Короче говоря, утро в хлеву начиналось как всегда — шумно, суетливо и вполне привычно для каждого обитателя этого большого, странного скотного двора.

И тут во двор важно вышел петух Гулом-бачча. Ростом он был невелик, зато держался так, словно каждый восход солнца происходил исключительно по его личному распоряжению. Хвост у него был куций, будто жизнь не раз ощипывала его за чрезмерное усердие, зато гребешок красовался огромный, ярко-красный, раздутый от собственной значимости. Маленькие глазки непрерывно бегали по сторонам, выискивая, кто что сказал, кто слишком громко вздохнул и кто, не дай бог, задумался о чем-нибудь самостоятельно. Под крылом он всегда носил потрепанную тетрадь, величая ее «социологическим исследованием общественного мнения».

Сам же Гулом-бачча именовал себя не иначе как «социологом-патриотом, специализирующимся в области духовности». Его главной обязанностью было выяснять настроение домашних животных и, самое главное, выяснять, что они думают о мяснике Рябом Исле — хозяине всего хозяйства.

Но этим его миссия не ограничивалась. Бачча считал своим долгом создавать исключительно позитивную общественную атмосферу. Он ежедневно убеждал обитателей двора, что уныние вредно, вопросы опасны, а любые разговоры о переменах являются происками соседних ферм. Особенно настойчиво он объяснял, что революции возникают исключительно от недостатка духовности, сепаратизм — от чрезмерного любопытства, а продукция массовой культуры из заповедников и природных парков способна окончательно испортить нравы даже самых порядочных кур.

Каждый вечер петух составлял обстоятельный отчет для хозяина. В нем неизменно говорилось:

— С каждым днем домашние животные всё глубже осознают свою независимость и всё яснее понимают, какого невиданного прогресса они достигли под мудрым руководством Рябого Исла. Если прежний хозяин хотел сломить быкам колени, свиней сделать зависимыми, а индоуток поставить ниже прочих водоплавающих, то теперь всё делается ради того, чтобы каждое животное осознавало свои права и свободы.

Далее следовало еще несколько страниц столь же вдохновляющих выводов:

— Как показали результаты исследования стадного мнения, жители хлева полностью поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Рябого Исла. Они высоко оценивают достижения хозяйства за периоды сельхозреформ, включая новые рубежи, достигнутые в прошлом году. Благодаря последовательным стадно-политическим и экономическим преобразованиям, особенно в курятнике, значительно укрепилась вера наседок, цыплят и даже ещё не вылупившихся птенцов в стабильное будущее. Согласно данным опроса, подавляющее большинство птиц с оптимизмом оценивает перспективы развития курятника в текущем году.

Никто так и не понимал, каким образом Гулом-бачча сумел опросить ещё не вылупившихся птенцов, однако этот вопрос в отчетах никогда не возникал.

— Огромную роль в нашей жизни сыграло объявление Рябым Ислем Года Рогатого Скота! — торжественно промышчал старший вол Бахром.

Это был могучий, широколобый исполин с отполированными временем рогами и тяжелым взглядом животного, привыкшего соглашаться раньше, чем успеет задуматься. Его густая серая шерсть была тщательно вычищена, а на шее болтался праздничный колокольчик, который он носил с такой гордостью, словно это был орден за особые заслуги перед кормушкой.

— В рамках этого исторического решения будет сделано всё, чтобы мы ощущали заботу и уважение со стороны хозяина! — продолжал он с важностью.

Остальные волы дружно замычали в знак полного единодушия.

— Мы решительно поддерживаем процесс искусственного осеменения! Это освобождает нас от выполнения унизительной миссии так называемого «быка-производителя», которую навязывал прежний коммунистический режим! Теперь мы можем целиком посвятить себя духовному развитию в рамках идеологии животногоВЕДческой независимости! Кроме того, мы впитываем в себя уникальную модель развития по пяти принципам, на которых построен весь наш хлев!

После этих слов волы удовлетворенно закивали, словно только что открыли новый закон природы.

Лишь старый осёл, молча жующий сухую солому в дальнем углу, едва слышно пробормотал:

— Странно... чем больше говорят о свободе, тем крепче становятся засовы на воротах.

К счастью для него, эти слова утонули в дружном мычании, хрюканье и восторженном кукареканье Гулом-баччи, уже мысленно дописывавшего в вечерний отчет ещё один абзац о беспримерном единстве обитателей скотного двора.

Петух Гулом-бачча важно расправил крылья, поправил свой внушительный гребешок и, делая вид, будто перед ним не скотный двор, а международный форум, принялся обходить респондентов. Он по очереди подносил к каждому соломинку, которую гордо именовал «микрфоном общественного доверия», и задавал один и тот же вопрос:

— Как вы оцениваете текущее состояние политического пространства нашего передового хозяйства?

Ответы, как всегда, радовали слух социолога.

— С каждым днем пища становится вкуснее, вода — слаще, а воздух — чище, и всё это благодаря разумной реформе укрепления демократических институтов, проводимой нашим хозяином! — дружно захрюкали свиноматки, перебивая друг друга. — Теперь мы вправе выступать оппозицией по отношению к ослам и баранам и на дебатах всегда высказываем свое особое мнение. При старом хозяине это было невозможно, а Рябой Исла дал нам свободу вести самые острые политические дискуссии.

— Мы чрезвычайно довольны состоянием теплообогрева и электроосвещенности нашего хлева! — продолжала самая упитанная из них. — А также нормами выдачи пищи. Мы поняли, что совершенно не следует импортировать желуди и каштаны из-за рубежа. Нужно поддерживать местного производителя! Поэтому мы с удовольствием едим всё, что падает с наших деревьев. Наши желуди — самые желудистые, а каштаны — самые каштанистые во всем мире!

Остальные свиноматки одобрительно захрюкали и застучали копытцами, выражая единоголосную поддержку столь глубоким экономическим выводам.

Гулом-бачча удовлетворенно сделал пометку в своей тетради: «Экономическая независимость достигла стадии полного восторга населения».

Затем он подошел к чушке Рустамжону. Тот как раз с разбега плюхнулся в свою любимую навозную купель — теплую, густую и удивительно благоухающую, по его собственному мнению. Навоз нежно обволакивал его необъятные бока, приятно охлаждал разгоряченное после еды брюхо и служил одновременно кроватью, массажным кабинетом и местом для философских размышлений. Рустамжон довольно перевернулся на бок, лениво поболтал копытцами в вязкой жиже, шумно чавкнул пяточком и мечтательно прикрыл глазки.

— Я всегда выступал против «обиженных», хрю-хрю... чмок-чмок... — важно произнес он, лениво пережевывая какой-то особо удачный объедок. — Они хотят свернуть нас с истинного пути, вернуть всех в биорезервации, природные парки и заповедники, где действуют суровые... хрю-хрю... чмок-чмок... и совершенно несправедливые законы джунглей.

Он глубокомысленно шлепнул хвостом по навозу.

— А у нас здесь настоящая цивилизация! Мы совершенно свободно говорим о недостатках нашего развития. Например, недавно я публично обвинил овец в неудовлетворительном качестве шерсти, а коров — в недостаточной жирности молока. Хрю-хрю... чмок-чмок... Разве это не свидетельство полного политического плюрализма?

Рустамжон победоносно поднял пяточок вверх.

— У нас каждый имеет право критиковать тех, кого разрешено критиковать! Вот она — настоящая свобода слова!

Свиньи восторженно захрюкали.

— А «обиженные» — это дикие, неодомашенные звери! Им место в заповедниках, а не среди цивилизованных животных! Хрю-хрю... чмок-чмок...

Гулом-бачча быстро застрочил в тетради: «Согласно результатам независимого социологического исследования, абсолютное большинство обитателей хозяйства убеждено, что уровень свободы слова достиг исторического максимума. Население активно пользуется правом

критиковать друг друга, что свидетельствует о зрелости демократических институтов и высокой политической культуре скотного двора».

Петух перечитал написанное, довольно кивнул самому себе и, расправив крылья, отправился искать новых респондентов, заранее предвкушая, насколько единодушным окажется общественное мнение.

Пес Матлюб, не переставая усердно вилять хвостом, вышел вперед и несколько раз громко гавкнул, словно заранее предупреждая всех о важности своего выступления.

— Я веду охрану границ нашего скотного двора, гав-гав, и слежу, чтобы никто не смог без разрешения покинуть территорию. Я также проверяю, гав-гав, процент насиженности и вылупляемости яиц у птиц, отелячивания у коров и выхода шерсти у овец. К нарушителям, гав-гав-гав, применяю административные и уголовные санкции. Демократия не может развиваться без строгих законов и без представителей органов правопорядка, гав-гав. Поэтому я всецело поддерживаю политику нашего любимого вождя — человека Рябого Исла!

Он еще несколько раз грозно пролаял, обвел взглядом двор, удовлетворенно убедился, что никто не собирается никуда убежать, и сел, гордо выпятив грудь.

Следующим слово взял котяра Иноятка. Он лениво потянулся, выгнув спину, пригладил лапой усы и произнес с таким видом, будто открывал величайшую истину.

— Моя задача — выявлять недовольных, мяууу... И могу отметить, что таких в нашей стране уже не осталось. Реформы привели нас к поистине райской жизни в скотном дворе. Заявляю это с двойным мяу: мяууууу... мяууууу!

После чего он довольно замурлыкал и незаметно бросил взгляд на перепуганных цыплят, которые поспешили спрятаться за наседку.

К вечеру Гулом-бачча подвел итоги своего масштабного социологического исследования. Согласно окончательным результатам:

99 процентов опрошенных животных полностью довольны результатами реформ в хлеву, особенно механизацией дойки молока и укреплением роли местной валюты — гнилых помидоров и заплесневевших огурцов — в системе жрачкооборота.

99,7 процента были убеждены, что жизнь за пределами скотного двора ужасна, а в зарубежных заповедниках и природных парках творятся совершенно невообразимые вещи: среди волков процветает анималсексуализм, медведи предаются садомазохизму, еноты поголовно страдают наркоманией, а пчелы окончательно погрязли в распутстве.

98 процентов заявили, что их вера в Светлое Будущее, изложенное в бессмертных учениях Рябого Исла, значительно окрепла.

И наконец, ровно 100 процентов респондентов выразили убеждение, что новый хозяин является их единственной опорой и надеждой на счастливую жизнь, а потому пожелали ему оставаться бессменным главой скотного двора как можно дольше.

Гулом-бачча старательно вывел в своем отчете: «Показателем отношения домашних животных и птиц к изменениям, произошедшим в хлеву в годы независимости, служат их социальные настроения. Исследование показало устойчивый рост числа кроликов, пребывающих в состоянии удовлетворенности и спокойствия. Согласно данным опроса, почти девяносто процентов ишаков и баранов полностью довольны своей жизнью. По мнению индюков, глава скотного двора является главным гарантом того, что на протяжении всех лет независимости в хозяйстве обеспечиваются мир, межптичье и межзвериное согласие, порядок, устойчивое социально-экономическое развитие и постоянный рост благосостояния всех его обитателей».

Прочитав написанное, петух удовлетворенно поставил жирную точку.

Во дворе же каждый старался перекричать остальных. Свиньи хрюкали громче обычного, волы мычали особенно протяжно, индюки распускали хвосты еще шире, а куры усерднее кудахтали о счастливой жизни.

Каждому хотелось, чтобы именно его голос оказался самым преданным. Не потому, что они действительно верили в сказанное. А потому, что боялись.

Каждый понимал: если хозяин услышит недостаточно восторженный отзыв, если кто-то замнется, не проявит должного энтузиазма или, того хуже, задаст лишний вопрос, то вечером может скрипнуть дверь сарая. Рябой Исла молча войдет внутрь, выберет очередную жертву, схватит ее за шкуру, за рога или за ноги и уволочет в темноту.

После этого несчастного уже никто никогда не увидит. Разве что однажды на веревке будет сушиться знакомая шкура, а возле мусорной кучи случайно обнаружатся чьи-то копытца, рога или перья.

И никто из животных не осознавал самого главного. Их судьба была решена задолго до первого социологического опроса. Для хозяина они никогда не были гражданами, участниками реформ или строителями светлого будущего. Они были всего лишь свининой, говядиной, бараниной, колбасой, яйцами, шерстью, пухом, молоком, сметаной и будущим обедом.

Не имело никакого значения, кто громче славил хозяина, кто чаще вилял хвостом, кто убедительнее говорил о свободе и процветании. Нож мясника одинаково остер для всех.

А скотный двор существовал вовсе не для счастья своих обитателей. Он был всего лишь хорошо организованной фабрикой по заготовке пищи. Социологические же опросы служили не для того, чтобы узнать мнение животных, а для того, чтобы постоянно напоминать им одну простую мысль: хозяин слышит каждого, хозяин знает каждого, хозяин помнит каждого.

И главное — чтобы никому даже не пришло в голову перелезть через забор.

(10 января 2012 года, Элгт)

Сначала мешали деревья

Эмир был человеком уже немолодым, но чрезвычайно довольным собой. Высокий, грузный, с тщательно подкрашенной бородой, чтобы ни один седой волос не портил образ вечной молодости, он ходил медленно и важно, словно каждое его движение являлось государственным указом. Лицо его было широким, с тяжелыми веками и цепким взглядом, в котором постоянно читалось одно и то же выражение: «Я всегда прав». На голове красовался огромный тюрбан, украшенный драгоценными камнями, стоимость которых могла бы прокормить несколько провинций, но подобные мелочи эмира никогда не беспокоили. Он искренне считал, что роскошь правителя вдохновляет народ не меньше, чем хлеб.

Однажды, сидя на мягких шелковых подушках, попивая шербет из золотой чаши и лениво поглаживая откормленного сокола, эмир задумался. Правил он своим государством уже более двадцати лет. За это время выросло целое поколение подданных, которое никогда не знало другого властителя. И вдруг его посетила мысль, показавшаяся ему необычайно глубокой.

— Пора, — торжественно произнес он вслух, хотя в комнате никого не было. — Пора оставить после себя память. Таковую, чтобы и через сто, и через двести лет люди говорили: «Вот при каком великом человеке нам повезло жить!»

Чем больше он размышлял, тем сильнее восхищался собственной мудростью.

— Пусть знают, каким могучим был их эмир, сколько добра он принес народу, сколько великих реформ совершил. Пусть дети учат обо мне в школах, старики вспоминают со слезами благодарности, а иностранцы приезжают поклониться моей гениальности.

Сказано — сделано. Во дворец немедленно согнали лучших придворных скульпторов, камнерезов, литейщиков и архитекторов. Лучших — не потому, что они были талантливее остальных, а потому, что остальные уже успели неосторожно высказать мнение о каком-нибудь предыдущем памятнике и теперь лепили глиняные горшки где-то в далекой пустынной крепости.

Эмир лично объяснил творческий замысел.

— Хочу, чтобы я был изображен на могучем жеребце, — говорил он, важно расхаживая перед мастерами. — Конь должен нестись в великое будущее так стремительно, чтобы даже бронза выглядела запыхавшейся. В одной руке у меня меч, в другой — копье. Под копытами пусть корчатся мои враги.

— Какие именно, Ваше величество? — осторожно уточнил главный скульптор.

— Все! — величественно ответил эмир. — И внутренние, и внешние. Пусть лежат вперемишку. Один пусть изображает смутьяна, другой — заграничного шпиона, третий — клеветника, четвертый — просто подозрительную личность. А лица у всех должны быть такие, будто они поняли, насколько были неправы.

— А копье?

— Копье пусть обязательно кого-нибудь пронзает. Это будет символом демократии, законности и моей железной руки.

Мастера молча переглянулись. Они давно работали при дворе и знали, что спорить с подобными художественными концепциями вредно для здоровья.

Через несколько месяцев монумент был готов. Огромный, сверкающий бронзой, он возвышался на центральной площади столицы. Конь вставал на дыбы, эмир грозно устремлял меч в небеса, а под копытами действительно валялась целая композиция из поверженных врагов с выражением глубочайшего раскаяния на лицах. Некоторые выглядели настолько счастливыми от собственного поражения, что прохожие недоумевали, кто же здесь все-таки победил.

Открытие памятника прошло с подобающей помпой. Телевидение несколько дней подряд показывало восторженные репортажи. Радио рассказывало о новом шедевре мировой культуры. Газеты поместили фотографию монумента на первых полосах, причем самого памятника на снимке было меньше, чем улыбающегося эмира, стоявшего рядом с ним в разных ракурсах.

Дворцовые поэты сочинили о монументе торжественные оды, придворные историки немедленно доказали, что именно такого памятника стране не хватало последние пятьсот лет, а чиновники наперебой уверяли, что теперь поток иностранных туристов возрастет настолько, что придется строить еще два города исключительно для гостиниц.

Прошло несколько недель. Как-то утром эмир подозвал начальника полиции. Он был человеком сухим, жилистым, с длинными седыми усами, которые свисали почти до воротника мундира. Его суровое лицо украшал старый шрам через всю щеку — память о молодости, когда преступников приходилось ловить лично, а не составлять на них отчеты. Глаза его были маленькими, внимательными и всегда слегка настороженными, словно он заранее ожидал неприятного вопроса. На груди блестело столько орденов, что казалось, будто броня ему уже не нужна.

— Ну, как там мой памятник? — спросил эмир. — Охрану поставили?

— Конечно, Ваше величество, — почтительно поклонился полицейский. — Все сделано по высшему разряду.

— Молодцы. И много народа приходит?

Начальник полиции замаялся.

— Видите ли... охранять его приходится... скорее от скуки.

— В каком смысле?

— Да ни в каком особенном. Никто к памятнику не идет. Никто не фотографируется. Никто цветы не приносит. Даже голуби, если честно, предпочитают соседний фонтан. Постоялые скучают целыми днями. Иногда играют между собой в кости, лишь бы время быстрее шло. Людей возле памятника практически нет.

Эмир даже привстал.

— Как это понимать?!

— Не могу знать, Ваше величество. Народ проходит мимо по своим делам. Кто на базар, кто в мастерскую, кто домой. До памятника никому дела нет.

Эмир долго молчал. Потом задумчиво почесал седую голову. Поковырялся в ухе так сосредоточенно, словно рассчитывал извлечь оттуда государственную мудрость.

Наконец взял фотографию памятника, долго ее разглядывал, шурился, вертел вверх ногами и вдруг радостно хлопнул себя по колену.

— Нашел!

Начальник полиции насторожился.

— Народ просто не видит памятника! — торжественно объявил эмир. — Его деревья заслоняют! Вот в чем причина! Значит, надо немедленно вырубить все деревья вокруг площади. Тогда люди сразу увидят моего бронзового коня... и непременно придут любоваться. Ведь не могут же они не хотеть смотреть на такую красоту!

И приказал он спилить все вековые платаны, что росли в сквере. И в тот же день десятки бензопил с визгом вгрызлись в могучие стволы, а из свежих ран деревьев брызнул сок, похожий на слёзы. Огромные платаны, помнившие ещё прадедов нынешних жителей, один за другим с грохотом валялись на землю, поднимая тучи пыли. Люди, наблюдавшие за этим, молча снимали головные уборы, словно присутствовали на похоронах. Старики качали головами, женщины украдкой вытирали глаза, а чиновники с серьёзными лицами уверяли всех, будто деревья давно были больны, представляли опасность для прохожих и вообще наносили непоправимый ущерб экологии. Никто, правда, не мог объяснить, каким образом здоровые зелёные великаны вдруг оказались врагами природы.

Прошло ещё некоторое время, и вновь предстал перед эмиром начальник полиции.

— Ну, что теперь? — с надеждой спросил правитель. — Народ, небось, толпами идёт?

Полицейский виновато опустил глаза.

— Не стало больше народу, Ваше величество. Даже силком никого затащить не можем. Отбрыкиваются прохожие, упираются, только бы не идти к памятнику.

Рассердился эмир. Стал опять усиленно размышлять, ковырять пальцем в носу, словно именно там прятались самые мудрые государственные решения. Потом долго рассматривал фотографии памятника с разных сторон и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Вот оно! Сквер ведь окружён автомобильной дорогой! Машины снуют туда-сюда, автобусы, грузовики, дым, шум, сигналы... Разве за всем этим можно увидеть моего бронзового коня? Конечно же, люди просто не замечают памятник!

И тут же последовал новый указ.

— Немедленно убрать дорогу!

В тот же день рабочие выставили знаки объезда, вспороли асфальт отбойными молотками, перекопали магистраль и вместо неё проложили широкие пешеходные аллеи. Теперь, по мысли эмира, каждый житель мог беспрепятственно подойти к памятнику, полюбоваться им, поклониться великому государю и мысленно поблагодарить судьбу за счастье жить под его мудрой властью.

Правда, водители, которым теперь приходилось делать многокилометровые крюки, были несколько иного мнения. Но выражали его исключительно вполголоса, оглядываясь по сторонам.

Через неделю эмир снова вызвал к себе начальника полиции. Тот вошёл медленно, будто шёл на собственную казнь.

— Ну?

— Нет людей, Ваше величество.

— Как — нет?

— Уже школьников с уроков снимаем, классами ведём. Да только они по дороге разбегаются кто куда. Одни в мороженицу сворачивают, другие голубей гоняют, третьи через дворы домой убегают. До памятника почти никто не доходит.

Стукнул эмир кулаком по столу так, что подпрыгнули чернильница и золотой письменный прибор. Потом принялся яростно ковырять зубы серебряной палочкой, извлекая остатки вчерашнего ужина, и вместе с ними, как ему показалось, извлёк очередную гениальную мысль.

Он вновь посмотрел на фотографии и нахмурился.

— Теперь понятно... Памятник по-прежнему плохо виден. Его заслоняют дома!

Эмир немедленно приказал снести все строения в радиусе полукилометра. Его совершенно не интересовало, что многие здания были возведены ещё при прадедах нынешних жителей, считались памятниками архитектуры, охранялись законом и являлись украшением столицы.

Уже к вечеру тракторы, бульдозеры и экскаваторы с рёвом ломали старинные фасады, рушили купола, колонны и резные айваны. Под ковшом исчезали дома, в которых жили целые поколения людей, лавки ремесленников, чайханы, библиотеки, небольшие мечети и мастерские. Всё это превращалось в груды битого кирпича и известковой пыли лишь для того, чтобы из любого конца площади можно было без помех увидеть бронзового всадника. А вместе с каждым рухнувшим зданием в сердцах людей становилось всё меньше уважения к тому, кому этот памятник был поставлен.

Но и это не помогло. Прошло время, и начальник полиции вновь стоял перед эмиром, виновато опустив голову.

— Ваше величество... постовые докладывают: посетителей почти нет. За последние дни зарегистрировали лишь нескольких человек. Да и те — иностранные туристы, случайно забредшие сюда. Посмотрели, сфотографировались, поговорили на своем языке и уехали.

Эмир долго молчал. Потом медленно поднялся с трона, подошел к окну, посмотрел вдаль и нахмурился.

— Значит, опять что-то заслоняет мой памятник.

Он велел принести последние рисунки и планы города. Долго разглядывал их, водил пальцем по улицам, морщил лоб, пока наконец не ткнул в карту.

— Вот оно! Эти дома... Эти кварталы... Эти мечети... Эти базары... Все они отвлекают людей. Они смотрят на свои дела, на свою жизнь, на торговлю, на соседей — а должны смотреть на меня. Значит, убрать всё, что мешает обзору.

И был отдан новый указ. Сначала исчезли ближайшие здания. Затем целые улицы. Потом кварталы. За ними — окраины. Бульдозеры день и ночь ломали стены, валили минареты, сравнивали с землей древние караван-сарай, дворики, чайханы, сады и кладбища. Там, где веками кипела жизнь, оставалась лишь голая земля.

Чиновники докладывали:

— Теперь памятник видно издалека.

Но эмир отвечал:

— Недостаточно. Еще дальше.

И снова грохотали экскаваторы.

Прошли годы. Не стало того города. Не осталось рядом ни одной деревни. Не осталось садов, каналов, озер и вековых деревьев. Исчезли дороги, по которым когда-то приходили люди. Осталась только выжженная солнцем пустыня. Посреди нее стоял одинокий памятник. И к нему не вели никакие следы.

(19 ноября 2009 года, Элгт)

Про вурдалаков

В одной стране жили-были вурдалаки во главе с Блутзаугером — существом столь отвратительным, что даже самые прожжённые черти при встрече с ним машинально крестились, а гиены брезгливо морщили носы. Высокий, сутулый, с руками до колен, он походил на оживший кошмар безумного могильщика. Его серо-зелёная кожа висела складками, словно её много раз снимали, сушили на верёвке, а потом кое-как натягивали обратно. Лысый череп блестел, как свежевылизанный надгробный камень, а между редкими клочками волос копошились жирные кладбищенские вши. Из пасти торчали длинные жёлтые клыки, покрытые бурым налётом запёкшейся крови, и пахло от него так, будто в одной бочке одновременно сгнили покойник, квашеная капуста и прошлогодний сапог. Вместо глаз в глазницах мерцали мутно-красные огоньки — холодные, жадные и бессовестные. Когда Блутзаугер улыбался, а улыбался он обычно перед убийством, даже вороны снимались с деревьев и улетали подальше, не желая становиться свидетелями очередной мерзости.

Жизнь у вурдалаков, впрочем, была вовсе не такой роскошной, как представляли себе доверчивые сказочники. Люди давно научились обходить стороной их логово, носили чеснок, серебряные кресты, осиновые колья и вообще относились к нечисти без всякого уважения. Свежей крови почти не перепало. Приходилось сосать жилы из тощих шакалов, облезлых овец, болотных жаб, а в особенно голодные месяцы рыться на старых кладбищах, обгладывая кости, которые уже успели обглодать бездомные собаки. После такого меню физиономии у всей нечисти становились ещё кислее, характер — ещё гаже, а мысли — исключительно преступными. По ночам они усаживались на скалах, дружно выли на полную Луну и жаловались судьбе, мечтая уже не просто о крови, а о морях крови, горах мяса, золотых сундуках, роскошных дворцах, каретах, слугах и такой жизни, чтобы любой король удавился от зависти.

Иногда, когда желудки урчали так громко, что эхо разносилось по всей округе, самые исхудавшие вампиры подходили к своему вождю и жалобно спрашивали:

— О великий Блутзаугер, долго ли нам ещё влачить столь жалкое существование?

Тот и сам мечтал наконец зажить так, как подобает существу его ранга. Вот, например, граф Дракула в Трансильвании — живёт припеваючи: замок, слуги, золото, влияние, туристы сами лезут ему под клыки. Или африканские зомби — тем вообще благодать: мяса по саванне бегают столько, что только успевай догонять. А здесь... одно сплошное невезение. Люди разбегаются, кровь прячут в жилах, ведут себя крайне недружелюбно и совершенно не желают добровольно становиться ужином.

— Почему у них ад выглядит как рай, а у нас рай оказался хуже ада? — тоскливо рыдал Блутзаугер по ночам, размазывая по физиономии кровавые слёзы.

Долго ломал он голову над тем, как не дать своему роду окончательно выродиться в шайку голодных падальщиков. И озарение пришло совершенно неожиданно — в тот самый вечер, когда он поймал на пустынной улице одинокую женщину, без лишних разговоров пронзил её вилами, а затем принялся ужинать прямо под фонарём. Он с аппетитом отрывал куски мяса, хрустел рёбрами, прихлёбывал горячую кровь, словно дорогое вино, и вдруг замер. На его безобразной морде медленно расплылась улыбка, от которой даже летучие мыши шарахнулись в разные стороны.

— Нашёл... — прохрипел он. — Наконец-то нашёл...

Вернувшись в логово, Блутзаугер созвал всё племя.

— Друзья! — торжественно произнёс он, высоко подняв только что отрезанную человеческую голову, с которой ещё лениво стекали густые капли крови.

Его детишки в это время деловито доедали печень, селезёнку и почки — самые лакомые куски, а супруга с философским выражением лица обгрызала сердце, считая его лучшим деликатесом. Остальные вурдалаки без особого энтузиазма ковыряли зубами худого зайца, больше напоминавшего учебное пособие по анатомии, чем ужин.

При виде человеческой головы десятки голодных глаз вспыхнули надеждой.

— Что?! Что?! Есть голову? — радостно загалдели они, готовые немедленно вырвать трофей из рук вождя.

— Да нет же, кретины! — рывкнул Блутзаугер так, что с потолка посыпались черви. — Голову мы и без вас съедим. Я понял другое! Я наконец придумал, как получить всё, о чём мы столько веков мечтали.

Он выдержал театральную паузу, наслаждаясь напряжённым молчанием.

— Нам не нужно больше охотиться на людей...

Вурдалаки в ужасе переглянулись.

— Нам нужно... самим стать людьми. Вернее — сделать так, чтобы люди добровольно сделали нас своими хозяевами. Тогда и кровь, и золото, и мясо, и дворцы сами поплывут к нам в руки. И никто даже не догадается, что их пожирают вурдалаки.

Это заявление повергло вурдалаков в настоящий шок. По пещере прокатился такой вой, что летучие мыши попадали с потолка, а старый филин, подслушивавший у входа, решил навсегда сменить место жительства.

— Зачем?! — завопил один из кровососов, выплёвывая заячью лапу. — Они же нас ненавидят! Для нас люди — это мясо, кровь и субпродукты! Мы же не можем жить рядом с собственным обедом!

— Да и противно родниться с этими отбросами природы! — поддержал его другой, вытирая окровавленные губы рукавом. — Вурдалаки — вот венец творения! Вот истинные хозяева мира! А люди существуют лишь затем, чтобы их доить!

Блутзаугер снисходительно ухмыльнулся. Он любил, когда подчинённые сперва возмущались, а потом восторженно принимали любую его мерзость за гениальное откровение.

— Дурачье вы кладбищенское! — прохрипел он, сверкая клыками. — Именно поэтому нам и нужно жить среди людей. Маскироваться под них. Говорить их словами. Улыбаться их улыбками. Клясться в любви к ним. Обещать им счастье, свободу, процветание, светлое будущее и прочую сладкую чушь. А сами тем временем сосать их кровь — спокойно, законно и в таких объёмах, что они ещё спасибо нам говорить будут. Нужно создать такие условия, чтобы люди добровольно приносили нам свою кровь, имущество и жизнь. Да ещё радовались этому. Ясно?

Он медленно обвёл взглядом своё племя. В пещере воцарилась благоговейная тишина.

— О-о-о... — наконец протянул кто-то. — Великолечно...

— Гениально...

— Дьявольски прекрасно...

— Но... как этого добиться?

Блутзаугер довольно оскалился.

— Вот теперь вы начали думать.

Он подозвал всех поближе и несколько часов посвятил соплеменников в свой грандиозный план. Чем дальше он говорил, тем сильнее разгорались красные глаза вурдалаков. Кто-то от восторга визжал, кто-то бил себя в грудь, кто-то даже прослезился кровавыми слезами.

Когда вождь закончил, вся пещера разразилась победным воем. Так родилась великая программа под названием «Авторитарный вампиризм». И работа закипела.

Вурдалаки тщательно замаскировались под людей. Научились носить галстуки, пиджаки, дорогие костюмы и даже изображать добрые улыбки, хотя после каждой такой улыбки приходилось менять клыки у стоматолога. Они перестали рыскать по кладбищам и болотам, зато начали ходить по учреждениям, министерствам, ведомствам и канцеляриям.

Сначала они подкупали мелких начальников, чтобы самим стать мелкими начальниками. Получив должность, немедленно принимались воровать. Наворованные деньги шли не на роскошь — роскошь была приятным приложением, — а прежде всего на подкуп начальников покрупнее. Так вурдалаки превращались уже в средних начальников.

Там масштабы открывались совсем иные. Если раньше они высасывали кровь по капле, то теперь подключались к целым финансовым артериям. Казна государства оказалась удивительно удобной веной: кровь текла рекой, и никто не спрашивал, куда она исчезает.

Очень скоро денег хватило, чтобы занять кресла главных начальников, перебраться в министерства, правительство и парламент. Дальше всё пошло само собой. Законы писались исключительно для удобства кровососов. Любое решение принималось лишь после вопроса: «А достаточно ли оно вкусное для вампиров?» Государственная политика постепенно превратилась в искусство законного высасывания крови.

Следом вурдалаки заняли полицию, прокуратуру, суды, таможенную, налоговую службу и прочие учреждения, где кровь граждан циркулировала особенно интенсивно.

Людей с должностей тихо выталкивали. Официально это называлось «оптимизацией», «реформой», «кадровым обновлением» и прочими красивыми словами, за которыми прятались старые добрые клыки.

Силовые вурдалаки надёжно прикрывали собратьев. Любое преступление превращалось в заслугу, любое хищение — в государственную необходимость, а всякий, кто пытался задавать неудобные вопросы, внезапно сам оказывался виновным.

— О-о-о-о!.. — сладострастно выли они по ночам.

И было отчего. Они сумели создать такую жизнь, что люди просыпались уже уставшими, работали лишь для того, чтобы платить всё новые поборы, а ложились спать с единственной мыслью: дожить бы до утра. Многие были готовы добровольно свести счёты с жизнью, но и здесь вурдалаки не упускали своей выгоды. Они успевали перехватить несчастных раньше смерти, аккуратно сцеживали остатки крови, а уже потом выдавали родственникам официальное разрешение на похороны.

Да и похоронить человека целиком удавалось далеко не каждому. За это требовалось заплатить столь внушительную взятку, что покойник порой обходился семье дороже собственной свадьбы. И даже после этого никто не гарантировал, что ночью какой-нибудь особо предприимчивый вампир не раскопает могилу, не устроит себе поздний ужин и не оставит родственникам пустой гроб с благодарственной запиской.

Бизнесмены очень быстро усвоили новые правила жизни. Они сами приносили свою кровь в налоговую инспекцию, где сидели улыбчивые вурдалаки с печатями и калькуляторами. Откажешься — прокурорские кровососы немедленно возбуждали дело о «финансовом вампиризме», после чего человека отправляли в тюрьму.

А тюрьмы давно уже были особым лакомством. Надзиратели-вампиры не признавали никаких ограничений. Одни предпочитали мариновать заключённых в собственном соку, другие варили их в огромных котлах, называя это «воспитательной процедурой», третьи любили исключительно свежую плоть, считая её более полезной для здоровья.

Даже мафиозники быстро поняли, где настоящая сила. Они охотно приносили присягу новой вампирской власти, выполняли самые грязные поручения, устраняли неудобных людей, запугивали несогласных и с удовольствием становились посредниками между клыками государства и его будущими жертвами.

Так постепенно страна переставала принадлежать людям. Формально они ещё составляли большинство населения, но фактически уже давно превратились в огромную, исправно работающую ферму по производству крови для правящего класса вурдалаков.

В здравоохранении тоже давно хозяйничали вурдалаки. Там вообще сложилась идеальная система кровоснабжения государства. Без крови невозможно было попасть к врачу, сделать операцию, получить лекарства или даже узнать, чем ты болен. В регистратуре сидели особенно прожорливые вампиры, которые с милой улыбкой сообщали:

— Пол-литра крови — за талончик. Литр — за хорошего хирурга. Два литра — чтобы после операции вас не доели санитары.

Если же человек крови дать не мог, ему сочувственно разводили руками:

— Увы, медицина сегодня бесплатная...

И тут же выставляли за дверь.

Образование также превратилось в настоящую фабрику кровопускания. Чтобы поступить в школу получше, родители сдавали кровь. Чтобы перейти в следующий класс — кровь. Чтобы получить диплом — кровь. А защитить диссертацию без нескольких ведер свежей человеческой крови вообще считалось невозможным. Некоторые ректоры настолько входили во вкус, что присваивали себе звания «Почетный донор человечества», хотя донором выступали вовсе не они.

Полиция, разумеется, тоже не сидела без дела. Она уже давно перестала ловить преступников — гораздо выгоднее оказалось ловить иногородних. Их останавливали на дорогах, высасывали кровь под видом штрафов, а затем отпускали с пожеланием счастливого пути. Особое удовольствие полицейские испытывали, когда находили диссидентов. Этих жарили над древесными углями, словно шашлык, неторопливо переворачивая шампура и рассуждая о верховенстве закона. Правозащитников же объявляли террористами, экстремистами, пособниками оборотней, иностранными агентами и прочими опасными существами, после чего без лишних судебных формальностей съедали прямо в служебных кабинетах.

Губернаторы не желали отставать от коллег. Они регулярно совершали поездки по деревням и посёлкам, где воспитывали население испытанными средствами: били, пытали, отбирали последнее имущество, а наиболее непокорных аккуратно закатывали в жестяные банки с надписью «Экологически чистый продукт» и экспортировали за границу, где зарубежные вампиры охотно покупали подобные деликатесы.

Министерство иностранных дел тоже придерживалось строгих профессиональных критериев. На дипломатическую службу принимали исключительно тех, кто успел проявить себя в искусстве кровопускания. При собеседовании кандидата интересовало не знание иностранных языков, а количество выпитой человеческой крови, опыт преследования неугодных и умение с улыбкой объяснять людоедство заботой о национальных интересах.

Коммунальное хозяйство оказалось не менее изобретательным. Оно решило, что отапливать дома — непозволительная роскошь. Гораздо дешевле заморозить население зимой, чем расходовать электричество на холодильники, где хранились государственные запасы человеческих трупов. Чиновники бодро докладывали, что это соответствует передовым мировым тенденциям энергосбережения, а если кто-то замерзал насмерть, то его тут же переводили в категорию стратегических пищевых резервов.

А что же сам Блутзаугер? Ну, вы ведь понимаете, что столь выдающаяся тварь не собиралась всю жизнь довольствоваться мелкой должностью районного кровососа.

Сначала он ловко пролез в руководство одной из партий, где пил кровь понемногу, осторожно, не высовывая клыков раньше времени. Терпение было его главным оружием. Он умел обещать всё и всем: одним — богатство, другим — безопасность, третьим — великое будущее, четвёртым — кресла, ордена и возможность безнаказанно сосать кровь ближних.

Потом настало время парламента. Одних депутатов он купил обещаниями вечной власти, других — золотом, которое щедро выделили собраты из прокуратуры и судов, давно превративших закон в меню для хищников. Третьим просто намекнули, что при несогласии их самих могут включить в ежедневный рацион.

В результате парламент почти единогласно возвёл Блутзаугера на высший государственный пост. Депутаты были чрезвычайно довольны собой. Каждый думал исключительно о собственном благополучии, доходах, привилегиях и неприкосновенности. О простых людях вспоминали только в торжественных речах и предвыборных листовках.

Им и в голову не пришло, что они собственными руками посадили во главе государства настоящего вампира — врага всего человеческого рода. Впрочем, когда догадались, было уже поздно.

Получив всю полноту власти, Блутзаугер немедленно выпустил на свободу своих самых верных хищников из карательно-репрессивных органов. Они работали день и ночь.

Страх разлился по стране густым кровавым туманом. Люди боялись выходить из домов, боялись разговаривать друг с другом, боялись произносить вслух имя президента, боялись смеяться, плакать, думать и даже молчать слишком выразительно.

Всякий, кто осмеливался выступить против строительства авторитарного вампиризма, исчезал. Одних съедали. Другие успевали бежать за границу. Но и там длинные кровавые руки режима настигали беглецов. Вурдалаки отлично понимали: страх должен быть международным.

Однажды в одном городе жители вышли на площадь, требуя перестать пить из них кровь. Через несколько часов площадь уже была пуста. Вурдалаки работали быстро.

К вечеру не осталось ни демонстрантов, ни плакатов, ни следов крови — только тщательно вымытая мостовая и бодрый репортаж государственного телевидения о прошедшем «народном празднике единства».

Даже мировое сообщество содрогнулось, увидев масштабы этой бойни.

Но внутри страны страх окончательно победил совесть. Лицемерие стало государственной идеологией. Трусость — гражданской добродетелью. Чванство — обязательным качеством чиновника.

Все государственные газеты, радио и телевидение наперебой славил новый режим и лично великого Блутзаугера. Ежедневно рассказывали о грандиозных успехах, невиданных реформах и счастливой жизни народа, который, судя по официальным сообщениям, буквально купался в собственном благополучии, хотя на самом деле купался исключительно в собственной крови.

Депутаты, карманные партии, придворные философы и даже ручные религиозные деятели в один голос уверяли население, что прежде человек блуждал во тьме, не видел дороги и страдал, а теперь благодаря мудрости великого вождя перед ним открылись невиданные горизонты.

Никто не смел произнести вслух, что принимаются людоедские законы, суды давно служат исключительно вампирам, прокуроры и полицейские превратились в профессиональных кровососов, а чиновники измеряют успех государства количеством выпитой человеческой крови.

Иные убеждения объявлялись смертельно опасной ересью. Людям предписывалось верить только в государственный вампиризм, поклоняться Великому Клыку, чтить заветы Блутзаугера и регулярно благодарить Дьявола за оказанную честь быть пищей для правящей элиты.

Блутзаугер принимал поздравления от собратьев со всего мира. Первым прислал послание граф Дракула, написав длинное, витиеватое письмо на пожелтевшем пергаменте, пахнущем склепом и сырой землей. В нем трансильванский аристократ с искренним восхищением поздравлял нового властителя с блестящей победой над людьми.

— Дорогой брат по крови, — писал Дракула. — Ты совершил то, что удавалось немногим. Ты не просто пьешь людей — ты заставил их благодарить тебя за это. Это высшая ступень искусства вампиризма. Желаю долгих лет правления, бесконечных рек крови и такого страха, чтобы жертвы сами подставляли шеи.

К письму прилагалась роскошная серебряная чаша для крови, украшенная человеческими зубами.

Поздравления пришли и от прочих представителей вампирского мира. Носферату из древних катакомб прислал связку позвонков особо несговорчивых правозащитников. Лондонские кровососы выражали восторг тем, что при новом режиме охранники у иностранных посольств получили возможность безнаказанно расстреливать людей прямо у ворот, а затем спокойно доедать добычу, не опасаясь ни следствия, ни суда. Местные власти лишь пожимали плечами, составляли протокол о «неосторожном обращении с собственной жизнью» и закрывали дело за отсутствием состава преступления.

Международное братство вампиров не осталось в долгу. Именно оно помогло Блутзаугеру сначала продлить президентские полномочия еще на пять лет, затем организовать очередное «всенародное волеизъявление», после которого он торжественно переизбрался уже на семь. Все наблюдатели, присланные из Ассоциации Всемирного Вампиризма, единодушно заявили:

— Выборы были абсолютно свободными, честными и прозрачными. Народ с огромным энтузиазмом любит своего вождя. Те, кто не голосовал, просто были временно съедены по уважительным причинам.

Граф Дракула лично подписал итоговое заключение:

— Народ оказал безоговорочную поддержку действующему лидеру. Оснований сомневаться нет. Те несколько миллионов недовольных, о которых сообщают отдельные человеческие газеты, являются либо экстремистами, либо уже переварены.

Подобные телеграммы ежедневно приходили из самых разных уголков мира. Вампиры поздравляли вампира. Хищники восторгались хищником. Палачи вручали награды палачу. И никто из них не видел в этом ничего предосудительного.

Но не думайте, будто Блутзаугер когда-нибудь мог насытиться. Аппетит у настоящего вурдалака растет быстрее власти. Его когти дотянулись до хлопковых полей, золотых рудников, урановых шахт, нефтяных скважин, газовых месторождений, металлургических комбинатов, банков, валютных резервов и торговых путей. Очень скоро оказалось, что в стране почти не осталось ничего, что не принадлежало бы либо лично президенту, либо его многочисленной кровососущей родне. Государственный бюджет превратился в семейный кошелек, экономика — в кормушку, а народ — в бесконечное стадо доноров.

Людям оставалось лишь батрачить от рассвета до темноты, гнуть спины на полях, у мартезовских печей, на стройках и фабриках, получая за это жалкие гроши — ровно столько, чтобы не умереть раньше времени. Мертвый человек крови уже не даст, а живой, хоть и полуголодный, — источник возобновляемый.

Совсем иначе жили вурдалаки. Те, что носили мундиры, погоны и кобуры, владели роскошными особняками, иномарками, счетами в зарубежных банках и коллекциями человеческих черепов. Они летали за границу, отдыхали на теплых курортах, охотились по выходным на людей ради развлечения и громко смеялись над теми, кто еще вчера считал себя хозяином собственной жизни.

— Не нравится? — скалились они. — Так мы тебя сегодня же и съедем.

И съедали. Без суда. Или после суда — разницы уже никто не замечал. Они давно забыли те времена, когда сами рылись на кладбищах в поисках обглоданных костей. Теперь на кладбищах ютились люди. Между могилами строили лачуги, дрались за свободные гробы и считали удачей найти участок земли, где можно умереть без очереди.

Сам Блутзаугер с каждым годом становился все толще. Его живот раздувался так, будто внутри плескалось целое озеро человеческой крови. Передвигался он уже тяжело, сопя и переваливаясь, словно откормленный кабан. За ним постоянно следовала прислуга с носилками, на которых лежали блюда с человеческими руками, ногами, языками, печенью, сердцами и головами политических противников. Вождь ел почти непрерывно. Во время совещаний — печень.

На заседаниях правительства — мозги. Во время международных переговоров — языки оппозиционеров, заявляя, что любит особенно тех, кто слишком много говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.